

Махиева Людмила Хамангериевна

**К КЛАССИФИКАЦИИ ПРОСТОРЕЧНЫХ СЛОВ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)**

Целью данного исследования является изучение и классификация просторечных слов в эмотивной лексике карачаево-балкарского языка. В статье на богатом фактологическом материале исследуемого языка анализируются функциональные признаки, эмоционально-экспрессивные и стилистические оттенки просторечной лексики. Акцентируется внимание на использовании просторечных фразеологических единиц в языке СМИ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 128-131. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81 (470. 631)

Филологические науки

Целью данного исследования является изучение и классификация просторечных слов в эмотивной лексике карачаево-балкарского языка. В статье на богатом фактологическом материале исследуемого языка анализируются функциональные признаки, эмоционально-экспрессивные и стилистические оттенки просторечной лексики. Акцентируется внимание на использовании просторечных фразеологических единиц в языке СМИ.

Ключевые слова и фразы: язык; экспрессия; оценочность; разговорно-просторечная лексика; эмоциональная окрашенность; просторечные фразеологические единицы.

Махиева Людмила Хамангериевна, к. филол. н.

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

liudmila.makhiieva@mail.ru

К КЛАССИФИКАЦИИ ПРОСТОРЕЧНЫХ СЛОВ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)©

Как известно, в основе любого языка, в том числе и современного карачаево-балкарского, лежит разговорно-бытовая лексика. Будучи наиболее близкой к живой коммуникации, ярко отражающей менталитет носителей языка, она также является неистощимым источником пополнения современного карачаево-балкарского языка. В зависимости от стилистических оттенков, от степени литературности разных слов среди разговорно-бытовой лексики выделяются разговорно-литературная и разговорно-просторечная. Разговорно-просторечную лексику составляют просторечные слова. В тюркологии вопрос изучения просторечий уже ставился и успешно решался в трудах разных исследователей. Однако научный подход к системному изучению просторечных слов в эмотивной лексике стал преобладающим лишь в последнее время. Поэтому данной проблеме в современном карачаево-балкарском языке уделено очень мало внимания.

Значительную часть слов с эмотивным значением в исследуемом языке составляют просторечные слова. В силу своей специфики эмотивы, выражаемые ими, более яркие и обладают резкой стилистической окраской. В частности, в эту лексику входят слова более грубые, которые находятся за пределами нормированной литературной речи. В официально-деловом общении эти слова недопустимы. Сфера их распространения уже, чем в разговорной лексике. Они в основном употребительны в сферах обиходно-бытовой речи. К этой группе лексики примыкают и внелитературные слова, т.е. сокращённые варианты литературных слов, употребление которых ограничено только устной речью. Ср.: *келмейд*, *бара*, *келге*, *соргъа* и другие вместо литературных *келмейди* «он (она) не приходит», *барады* «он (она) идёт», *келирге* «прийти», *сорургъа* «спрашивать».

Любое просторечное слово первоначально появляется в речи для выражения эмоционального отношения говорящего к некоторому «предмету». При более узком подходе к толкованию понятия «просторечная лексика» под таковой подразумевают лексический заряд, «который придает речи характер известной непринужденности, резкости, способности перейти в грубоватость или в грубость (в разной степени этой резкости и следует искать отличие просторечных слов от разговорных), но отнюдь не свидетельствует о недостаточной культуре говорящего» [11, с. 20]. По мнению Ф. П. Филина [Там же], статус литературного просторечия и разговорной разновидности литературного языка совпадают. То, что между этими категориями лексики нет серьезных различий, признается и другими исследователями [9, с. 108; 15, с. 26-27].

А. В. Дудников отмечает, что отграничение друг от друга указанных пластов лексики «в ряде случаев бывает затруднено зыбкостью границ между ними и отсутствием четких критериев их оценки» [5, с. 84]. В исследуемом языке близость данных слов объясняется тем, что сферы их функционирования находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии, в результате чего некоторые просторечные элементы частично утрачивают присущие им «стилистические свойства как способ выражения крайних эмоциональных оценок» [3, с. 31].

Заметим, что расширение социальной базы просторечия дает основание для определения его как части разговорной речи. Вместе с тем, в целях сохранения языка просторечие следует отделять от разговорной речи с помощью понятия нормы языковой и коммуникативной. Критерием разграничения разговорной и просторечной лексики может служить проявление яркой степени экспрессивно-эмоциональной оценки, т.е. если слово находится в нижней границе оценочной шкалы, обладая сниженной отрицательной грубостью, то его следует квалифицировать как просторечие.

Несмотря на разные точки зрения относительно статуса просторечия, «реальность такова, что просторечие в целом – это тоже системное явление, находящееся в сложных, неоднозначных отношениях с кодифицированным языком с одной стороны, и со всей совокупностью частных языковых субстандартов – территориальных, социально-профессиональных – с другой стороны» [14, с. 271].

В лингвистических исследованиях последнего времени признается вхождение просторечия в состав литературного языка: «Вывести из состава литературного языка функционирующее в нем просторечие, – пишет Ф. П. Филин, – означало бы лишить литературный язык средств сниженной речи, обычно несущих

высокую эмоционально-оценочную нагрузку» [13, с. 20]. Однако данная группа лексики трактуется двояко. Одни исследователи (Г. П. Князькова [8], Л. И. Рахманова [9]) понимают под просторечием только определенный разряд стилистических средств языка, другие (Ф. П. Филин [13], Л. К. Граудина [2], Ю. А. Бельчиков [1], Л. И. Скворцов [10], А. Н. Еремин [6]) считают, что этим термином обозначаются категориально не совпадающие явления: «Существует не одно, а два просторечия: 1) просторечие как стилистическое средство литературного языка; 2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком. При этом их материальный состав во многом совпадает» [12, с. 7].

Следовательно, в настоящее время в лингвистической литературе существует два контрастных взгляда на сущность просторечия. Вторая точка зрения представляется более приемлемой и реальной для большинства тюркских языков, в том числе и для карачаево-балкарского языка. Некоторые исследователи справедливо считают, «что необходимо различать литературное и внелитературное просторечие, между которыми имеется принципиальное различие: первое употребляется всеми образованными людьми, как в письменной, так и в устной речи, второе же употребляется в речи только отдельных групп населения и у отдельных писателей для разных стилистических целей» [3, с. 29-30].

Различие литературного и внелитературного просторечия находит отражение в их функционировании в языке художественной литературы и СМИ. Общеизвестно, что просторечная лексика, являясь экспрессивной, в литературном языке может использоваться как стилистическое средство для выражения какого-то особого смысла, для придания речи пренебрежительного, иронического, грубоватого, шуточного и т.п. оттенка. Часто эти слова являются выразительными, экспрессивными синонимами слов нейтральной лексики. В художественном языке просторечие также служит средством речевой характеристики персонажей, а в авторском тексте – средством создания стиля, близкого к разговорному. Ср.: *буштукъла* «жадно есть», *тыкъла* «жрать»; *сылхыр* «глупый», *гула* «тупоумный», *тумакъ* «несообразительный, тупой» и др. Однако если литературное просторечие может быть использовано и с той, и с другой целью, то внелитературные элементы просторечной лексики используются только для речевой характеристики персонажей произведений, бытописания. Ср.: *Ичинде уа къушбурун старишина Мырзабек, уллубыдыр Дюгербий, дагыда эжеулен къалдыла* [4, б. 58]. «А внутри остались большеносый старшина Мырзабек, толстобрюхий Дюгербий и ещё двое».

Язык СМИ, безусловно, обладает определенной спецификой, отличающей его от художественной или научной литературы, от разговорно-просторечной лексики. Главная цель периодических изданий – информирование читателей, освещение актуальных событий на страницах газет и журналов. Поэтому для описания различных событий журналистам требуется разный набор словесных конструкций, которые помогут более подробно, ярко и эффективно донести до читателя суть той или иной новости. В данной статье в качестве материала привлекается газета на родном языке «Заман» («Время»). Сегодня газетный текст отличается существенным своеобразием условий языкового творчества: он создается в кратчайшие сроки, притом не одним лицом, а множеством корреспондентов, которые готовят свои материалы часто в отрыве один от другого. Все это накладывает отпечаток на стилевые особенности языка газеты. С целью выделения наиболее важного материала, журналистам приходится прибегать к различным приемам экспрессии. А это часто достигается в основном путем нарушения стилистического единообразия текста или же использования разговорных слов, просторечий, жаргонизмов, сленговых понятий, интеллектуально-оценочных фраз. Отступление от литературной нормы в процессе порождения текста создают определенную тональность, оценочность, экспрессивность, способствуют созданию реалистичности при описании явлений. Ср.: *Урушну хатасындан кеплени башларына къан жауду*. «Война многим принесла беду, несчастье»; *Жол узуну, ол гырылдауукъну айтханын къулагъына алгъан болмады*. «Всю дорогу никто не принял во внимание, что говорил этот трепач» [7, б. 3]. Из примеров видно, что им свойственна некоторая оценочность, стилистическая окраска слов, главную роль в которых играет экспрессия.

В исследуемом языке довольно заметен пласт просторечных фразеологических единиц (ФЕ). Они имеют больше разновидностей, чем разговорные ФЕ, обладают ярко выраженной собственно стилистической коннотацией и функционально-стилевой окрашенностью. В отличие от разговорных ФЕ, эта разновидность ФЕ стоит за пределами литературного языка. Среди просторечных ФЕ выделяются: грубые (*атасыны башы* «черта с два!»; *ёлю жукъусу эт* «спать мертвецким сном»; и др.); вульгарные (*бокъдан ийис ангыламагъан* «бестолковый», *къара тууар богъун басмагъан* «никудышный», и др.); бранные (*от тебеси бол* «будь он проклят», *от азыгъы бол* «чтобы ты сгорел, стал добычей огня» и др.); иронические (*итге жюген такъганлай* «как собаке уздечка», *эшекге къонгуроу такъганлай* «как корове седло», *жюнге тюшген тауукъча* «как мокрая курица» и др.); шуточные (*бёрюге къойну аманат этгенча* «словно овцу доверять волку», *ийне жутхан ит кибик* «слабый, хилый», *ауузунда ит ёледи* «злой на язык» и др.); собственно-просторечные, т.е. не имеющие экспрессивно-эмоциональных оттенков (*орунун тандыр* «дать (задать) жару», *исси къандыр* «дать прикурить», *къан алыргъа* «отомстить») и др.

Все это показывает, что просторечная форма, получая самостоятельную функцию, может перейти из разряда «просторечных» в «разговорные». Так, рожденные в просторечии многочисленные фразеологизмы легко могут входить в разговорный стиль литературного языка.

Проанализированный языковой материал свидетельствует о том, что разговорно-просторечный пласт подвижен, одни слова, изменяя или теряя окраску, уходят из словарного состава, а другие появляются. Это позволяет нам выделить в современном просторечии карачаево-балкарского языка два временных пласта – пласт старых традиционных средств и пласт сравнительно новых средств, пришедших в просторечие

преимущественно из социальных жаргонов. Норма их употребления состоит в том, что они допускаются в литературный язык с ограниченными стилистическими задачами. На степень нормированности данных слов влияет также и характер их значения и особенно – оценочной экспрессии. Например, резкая грубость служит препятствием для движения просторечного слова к разряду нейтральных. Следует также отметить, что многие нейтральные прежде слова приобрели в современном просторечии новые просторечные смыслы. Ср.: *сойлан* «разлечься», *быдыр* «пузо, брюхо», *гонда* «дылда» и др. Отенок значения является естественно сложившимся дифференцирующим признаком в значении просторечного слова, поэтому нельзя его не учитывать при определении смысловых границ слова в словаре. Однако при разграничении значений слов и их оттенков тюркские лексикографы испытывают серьёзные затруднения, особенно при разграничении обусловленных значений слов и их оттенков. Включая просторечные элементы в словари, они должны чётко определять просторечие не по социальной отнесенности, а по оценочной шкале экспрессивно-эмоциональной стилистической характеристики, т.е. просторечие должно сопровождаться дополнительными пометами: прост. (груб., экспрес.). Упорядочение пометы «просторечие» в словарях должно привести к его фиксации не как стилистического средства сниженной экспрессии, а стать пометой тех слов, которые относятся к современному просторечию.

Таким образом, просторечие в исследуемом языке характеризуется яркой экспрессией, стилистической сниженностью, граничит с разговорными элементами литературной речи. Использование просторечий обусловлено многими аспектами художественности и экспрессии. Их функциональная роль достаточно велика: просторечие несёт в себе не только ненормативное значение, оно несёт новизну, эмоциональную окрашенность.

В просторечной лексике карачаево-балкарского языка условно можно выделить три группы слов: 1) грубо просторечная лексика – у этих слов сильно выражены экспрессия, способность передавать отрицательное отношение говорящего к каким-либо явлениям. Ср.: *юр* «лягать», *талаш* «грызться», *сойлан* «разлечься» и др.; 2) грубовато-экспрессивная лексика – экспрессивность этих слов, их эмоциональность позволяет кратко и выразительно показать отношение (чаще всего – отрицательное) к какому-либо предмету, человеку. Ср.: *хайуан* «скотина (о человеке)», *гудучу* «жулик», *кызымар* «скупердяй» и др.; 3) собственно просторечные слова не грубы по значению и экспрессивной окраске и не имеют бранной семантики. Ср.: *арал* «уставиться, засмотреться», *сыкъ* «бояться», *тигелет*, *эндир* «жрать» и др.

Заметим, что некоторые слова, являющиеся в основном нейтральными названиями животных, а также действий, производимых животными, в переносном значении принимают сниженную стилистическую окраску, переходя из нейтральной лексики карачаево-балкарского языка в просторечную. Ср.: *эшек* (*гырайт*) «осёл» (о тупом упряме), *уу жилиан* «ядовитая змея (о злой женщине), *жаныуар* «зверь» (о грубом, жестоким человеке), *аслан* «о сильном о мужчине», *ит* «собака» (о плохом человеке) и др.

Из вышеизложенного следует, что просторечная лексика, по сравнению с нейтральной и разговорной, характеризуется оттенком упрощения, грубоватости, фамильярности и стилистической сниженности. Употребление её снижает стиль. При этом степень и характер сниженности различны для разных типов просторечий. Так, например, слова с неправильным фонетическим и грамматическим оформлением приобретают низкопробную стилистическую окрашенность своей структурной необычностью: *бекле*, *кызыдыр* «заехать, ударить, двинуть» и др.

Вместе с тем просторечие в исследуемом языке получило широкое распространение, его носителями являются субъекты, обладающие разными социальными и возрастными характеристиками. Экспрессивность и ёмкость субстандартных просторечных лексических единиц с шутливо-иронической и фамильярно-насмешливой экспрессией позволяют адресату речи кратко и выразительно показать своё, чаще всего негативное, отношение к предмету речи. Среди них могут быть формы, содержащие положительную оценку называемых понятий, но гораздо больше форм, выражающих отрицательное отношение говорящего к обозначаемым понятиям.

Список литературы

1. Бельчиков Ю. А. Литературное просторечие и норма // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983. С. 37-46.
2. Градина Л. К. Разговорные и просторечные формы в грамматике // Литературная норма и просторечие. М., 1971. С. 77-111.
3. Гузев Ж. М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984. 156 с.
4. Гуртуланы Б. Жангы талисман. Нальчик, 1975. 333 б.
5. Дудников А. В. Современный русский язык. М., 1990. 423 с.
6. Еремин А. Н. Проблемы лексической семантики русского просторечия: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2001. 58 с.
7. Заман. Нальчик. 2012. 29 декабря. № 250. 3 б.
8. Князькова Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII века. М., 1974. 254 с.
9. Рахманова Л. И. О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях русского языка // Вопросы стилистики. М., 1966. С. 106-108.
10. Скворцов Л. И. Что угрожает литературному языку (размышление о состоянии современной речи) // Русский язык в школе. 1994. № 5. С. 99-105.
11. Филин Ф. П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке // Филологические науки. 1979. № 2. С. 20-25.
12. Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 3-12.
13. Филин Ф. П. Просторечная лексика // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. 239 с.
14. Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб.: Филол. ф-т. СПбГУ, 2000. 275 с.
15. Черемисин П. Г. Опыт исследования стилистической синонимии. Орел, 1966. С. 26-27.

**TO CLASSIFICATION OF LOW COLLOQUIAL WORDS OF EMOTIVE VOCABULARY
(BY THE EXAMPLE OF THE KARACHAI-BALKAR LANGUAGE)**

Makhieva Lyudmila Khamangerievna, Ph. D. in Philology
Kabardino-Balkaria Institute of Classical Researches
liudmila.makhiieva@mail.ru

The author studies and classifies the low colloquial words in the emotive vocabulary of the Karachai-Balkar language, basing on the abundant factual material of the language under consideration analyzes the functional features, emotional-expressive and stylistic nuances of low colloquial vocabulary, and pays attention to the use of low colloquial phraseological units in the language of mass media.

Key words and phrases: language; expression; evaluative nature; colloquial-vernacular vocabulary; emotional colouring; low colloquial phraseological units.

УДК 372.881.1

Филологические науки

В статье рассматриваются некоторые своеобразные черты метафоры в немецких загадках. На основе степени или вида сходства между денотатом и сигнификатом загадки выделяется несколько типов немецких метафорических загадок. Аналогичная классификация русских загадок предпринята С. Г. Лазутиным. Представлена система распространенных метафор, характерных для немецких загадок.

Ключевые слова и фразы: метафора; немецкие загадки; денотат загадки; сигнификат загадки; типы немецких метафорических загадок; парадокс.

Мельникова Елена Владимировна

Юргинский технологический институт (филиал)Томского политехнического университета
melnikova2308@mail.ru

МЕТАФОРА В НЕМЕЦКИХ ЗАГАДКАХ®

Метафоричность – характерное свойство немецких загадок. Это обусловлено, вероятно, тем, что метафора и загадка близки по своей сути. В основе метафоры лежит сопоставление двух предметов или явлений, т.е. метафора по своему содержанию двучленна. Но внешне эта двучленность в метафоре не выражена. В метафоре умалчивается то, что сравнивается, называется то, с чем сравнивается. Уже на этом уровне прослеживается тесная связь между метафорой и загадкой. Как отмечает американский ученый М. Блэк, «понимание метафоры подобно дешифровке кода или разгадыванию загадки» [2, с. 159].

В то же время загадка как один из жанров народного поэтического творчества обладает определенной спецификой, которая не может не сказаться на употреблении в ней метафоры. Поэтому исследование некоторых своеобразных черт метафоры в немецких загадках представляет несомненный интерес. Говоря о метафоре, обычно приводят в качестве примера простые предложения или словосочетания, в которых некоторые слова употреблены метафорически, а остальные – в своем обычном значении. «Стремление породить предложение, целиком состоящее из слов-метафор, приводит к созданию пословиц, аллегорий или загадок» [Там же, с. 155]. Метафора в загадке почти никогда не ограничивается одним словом или простым словосочетанием. Для загадки типична сложная развернутая метафора, состоящая из ряда образов, ср.:

*Liebes Kind, sag, ob du weißt,
wie die große Kugel heißt,
die so heiß ist wie die Glut
und am Abend rot wie Blut. (Die Sonne)*

Милое дитя, скажи, знаешь ли ты,
Как называется большой шар,
Горячий, как пламя,
А вечером красный как кровь. (Солнце)

В этой загадке солнце уподоблено по форме и размеру большому шару, который очень горяч и красен, как кровь.

Метафорические загадки характеризуются определенными структурными признаками. Их основными компонентами являются: 1. признаки воспроизводимого в загадке предмета или явления (денотата загадки); 2. признаки воспроизводящего предмета или явления (сигнификата или текста загадки); 3. отношение первого компонента ко второму – воспроизводимого предмета или явления к воспроизводящему образу, т.е. компонент, который включает в себя степень сходства между предметами и явлениями, а также качество самой аналогии.

На основе третьего, наиболее важного, компонента, иными словами, на основе степени или вида сходства между денотатом и сигнификатом загадки, можно выделить несколько типов немецких метафорических загадок.